

КУЛЬТУРНЫЕ КОДЫ ПРОЗЫ И. АБУЗЯРОВА

А.Н.Набиуллина, аспирантка Казанского федерального университета

На современном этапе, отличающемся полилингвизмом, интенсивностью межэтнических контактов, усиливаются процессы взаимодействия культур, которые имеют диалогический характер и отражаются в литературе, порождая пограничные явления в историко-литературном процессе. В связи с этим интерес представляет творчество русскоязычного писателя И.А.Абузьярова, в прозе которого обнаруживается взаимодействие традиций русской, европейской и восточной культур, истории и фольклора, «своего» и «чужого». Это взаимодействие проявляется на уровне сюжетно-композиционной структуры произведений, их пространственно-временной и субъектной организации, образной системы.

Проблема взаимодействия разных национальных традиций в эстетическом поле русскоязычной литературы, статус которой вызывает дискуссии в современном литературоведении: русская эта литература или нерусская (русскоязычная), представляется актуальной. Особое значение она приобретает при изучении литературы, которая развивается в условиях соседства разных этносов в пределах одного государственного образования.

С точки зрения В.С.Библера, диалог культур – это ситуация столкновения принципиально несводи-

мых друг к другу «культур мышления, различных форм разумения»¹. «Диалог культур» не является понятием абстрактной культурологии, но философии, стремящейся осмыслить глубинные смещения культуры. На рубеже XX – XXI вв. – это проективное понятие современной культуры. Время диалога культур – настоящее (в его культурной проекции на будущее). Диалог культур есть форма (возможной) культуры XXI в.»². В связи с этим необходимо отметить особый интерес современных писателей к синтезу различных культур в своем творчестве. Одним из таких писателей является Ильдар Абузьяров.

И.А.Абузьяров – автор романов «ХУШ», «Мутабор», «Агробление по-олбански», «Финское солнце» и нескольких сборников рассказов. Он начал широко печататься с 2000-ых годов. В настоящее время имеет около 30 публикаций в толстых литературных журналах и альманахах: «Юность», «Сноб», «Вавилон», «Дружба народов», «Октябрь» «Знамя», «Новый мир», «День и ночь». Лауреат «Пушкинской премии» (роман «ХУШ»). В 2006 году сразу два рассказа – «Почта» и «Мавр» – вошли в шорт-лист премии им. Юрия Казакова. Роман «ХУШ» также вошел в лонг-листы премий «Национальный бестселлер» и «Большая книга». Роман «Агробление по-олбански»

– финалист Бунинской премии. Роман «Мутабор» – финалист премии «Национальный бестселлер» и лауреат Катаевской премии³.

Многообразие культурных кодов и их интерпретации в прозе И.Абузярова определяют необходимость выявления художественно-эстетической природы произведений писателя, особенностей создаваемой в его произведениях картины мира.

Особенно заметна поликультурность ранних произведения автора. Сам писатель в одном из интервью говорил: «Если сравнивать мое творчество с деревом – то это пока карликовое дерево, которое к тому же растет как-то кособоко, вкривь как-то. Думаю, это из-за бракованного семени. На каком-то этапе в языке генетического кода произошел сбой, и дальше все от этой неправильности растет по нарастающей...»⁴. Говоря о генетическом коде, писатель имеет в виду культурный код. К примеру, в цикле «Сказки мордовского леса» мы встречаемся со столкновением культурных традиций разных народов – мордвы, русских, татар и других, которые являются своеобразным ключом к пониманию смысла произведений.

В рассказе «Корильные песни» (2002 г.) повествуется о свадебном мордовском обряде. Незатейливый сюжет о свадьбе несет в себе множество поликультурных включений. Здесь и невеста с армянским именем Карина, и ее родственники – матушка с русским именем Пелагея, и брат Вася, и гости раз-

ных национальностей, вскользь упоминаемые повествователем: Ривандивия, Атауальпа, Франсуаза, Крусифиция, Алехандра, Венера, Симона, Баутиста. Автор будто намеренно расставляет в повествовании различные культурные знаки – это и хохломской столик, подаренный молодым на свадьбу, и лапти на брате невесты Васе, и обращение жениха к Богу в православной традиции («Господи, спаси и сохрани!»), мнящего при этом себя «джигитом».

К примеру, матушка невесты, Пелагея, в одном из эпизодов угощает молодых кашей. При этом в мордовской обрядовой традиции действительно было принято угощать невесту кашей, и этот обряд даже носит специальное название: «в Мордовии его называют *ям ярхцама*, *кашань ярсамо* – поедание каши или *ям кандома*, *кашань кандома* – принесение каши; у самарской мордвы он получил наименование *кашань урнеме* – причитания над кашей»⁵. Заметный след в свадебных обрядах мордвы оставили также языческие представления народа. Языческая культура как одна из культур, отражающая тесную связь человека с природой, отразилась в рассказе с помощью описанного обряда свадьбы старшего брата на «невесте» – дереве: «Да, этот странный запрет вступать в брак младшему брату или сестре, пока у старших нет семьи, и тут же мордовская смекалка плюс Священная роща, в которой для этого случая растут стройные или могучие деревья. Я вышел посмотреть

на Васину невесту, так сказать, платан в платке, но более всего меня поразил не сверкающий ее наряд, а лицо Васи, которое сияло еще пуще прежнего, и то, как он, хромя, обхаживал свою суженую. Видимо, ему нравилось заботиться о деревьях Священной рощи, тем более, он всегда с радостью делал это и теперь собирался делать всю жизнь»⁶. Изменение, которое происходит в сознании жениха Карины, при этом говорит о его принадлежности к другой культуре: «Я посмотрел на Васькину невесту в фате, на Каринку в том же, и вдруг у меня в голове родилась мысль, что девушкам вовсе не обязательно быть дочкой богатого сеньора или иметь мордашку, а достаточно облачиться в свадебное платье, ведь в свадебном платье они, как лягушки в крынке с молоком, – бей лишь ногами да ресницами»⁷. Однако по мере совершения свадебного обряда в «Священной роще» герой, который постоянно хочет украсть невесту и уединиться с ней, начинает ощущать такую же тесную связь с природой и единение, какие испытывают Вася с Кариной. Поклонение духам под сенью трехсотлетних дубов, завязывание платочков на деревьях приводят к тому, что герой начинает олицетворять деревья с живыми невестами и испытывать к ним симпатию: «А невесты здесь какие, у-у, пальчики оближешь, прохладные, тенистые, и какой от них исходит душисто-воздушный аромат, когда они прикасаются к глазам пальцами-ветками, и я понял, что сливаюсь с

природой, что я безумно люблю природу, люблю больше, чем даже свою машину...»⁸. Необходимо отметить, что повествователь напоминает о состоянии, в котором находится герой в момент слияния с природой («...мой язык не вязал и лыка»⁹). Возможно, с таким состоянием связано довольно сбивчивое повествование, закольцованный сюжет и постоянные переключения между происходящими событиями и воспоминаниями, размышлениями героя. Повествование часто напоминает, таким образом, поток сознания героя. Лишь протрезвев, герой начинает сомневаться в «живости» невесты Васи, который утром отправляется кормить свою невесту водкой, хлебом и кашей.

В финале герой, сомневающийся уже и в живости невесты – дерева и своей собственной, совершает странный поступок: он крадет Васину невесту и сажает ее рядом с собой за столом, наливает ей «чарку» и насаживает для нее маринованный грибочек на вилку. Этот поступок свидетельствует о принятии героем чужой культуры, слиянии с ней.

Таким образом, культурные коды в данном рассказе писателя определяют набор образов, которые связаны с комплексом стереотипов в сознании: матушка невесты Пелагея с зычным голосом, лапти Васи, хохломской столик, подаренный на свадьбу, обращения жениха к Богу – все это коды русской культуры, которыми отмечен рассказ, главным событием которого является свадебный мордовский обряд.

В рассказе также с помощью культурных кодов скрыто «культурное бессознательное – не то, что говорится или четко осознается, а то, что скрыто от понимания, но проявляется в поступках»¹⁰, – это жених, ощущающий себя джигитом, его стремление похитить невесту – татарский культурный код, его конечное сакральное слияние с природой – код языческой культуры. Эти и другие культурные коды в прозе писателя, таким образом, являются своеобразными ключами к пониманию синтетического образа мира, который создается в произведении.

ПРИМЕЧАНИЯ
(Endnotes)

- 1 Библер В.С. От наукоучения – к логике культуры. – М., 1998. С. 104.
- 2 Библер В.С. На гранях логики культуры. Книга избранных очерков // Новая философская энциклопедия. – Электронный ресурс. – Режим доступа: <http://iphras.ru/elib/0958.html> (дата обращения: 21.09.2016).
- 3 Иванычева О. Писатель Ильдар Абузяров: «Заболачиваемость» жизни - проблема нашего времени. // Казанские ведомости. – Электронный ресурс. – Режим доступа: <http://kazved.ru/article/71756.aspx> (дата обращения: 20.09.2016).
- 4 Демидов О. Буйно растущая омега // Esthesis. – Электронный ресурс. – Режим доступа: <http://esthesis.info/literatura/bujno-rastushhaya-omela/> (дата обращения: 21.09.2016).
- 5 Корнишина Г. Свадебная обрядность мордвы // Зубова поляна. Историко-этнографический сайт. – Электронный ресурс. – Режим доступа: <http://zubova-poliana.narod.ru/history-tradition-marriage.html> (дата обращения: 23.09.2016).
- 6 Абузяров И.А. Корильные песни // Журнальный зал. – Электронный ресурс. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/znamia/2002/2/abuiaz.html> (дата обращения: 20.09.2016).
- 7 Там же.
- 8 Там же.
- 9 Там же.
- 10 Гильтебрандт П.А. Мысли о народной психологии // Филологические записки. Воронеж, 1864. С. 176. // Филологические записки. Воронеж, 1864. С. 176.

Сведения об авторе: Набиуллина Аделя Наилевна, аспирантка Казанского федерального университета, e-mail: scar-sky@rambler.ru.

Аннотация: Статья посвящена творчеству русскоязычного писателя И. Абузярова.
Ключевые слова: диалог культур, билингвизм, мордовский свадебный обряд.

Abstract: The article is devoted to the creative Russian-speaking writer I. Abuzyarov.
Key words: dialogue of cultures, bilingualism, Mordovian wedding ceremony.